Class _____

Book _____

~~YUDIN COLLECTION~~

GPO

ХВАЛЕБНОЕ ПРИНОШЕНІЕ ВѢРЫ

НОВО-ПРОСЛАВЛЕННОМУ СВЯТИТЕЛЮ

МИТРОФАНУ,

ЕПИСКОПУ ВОРОНЕЖСКОМУ.

СТИХОТВОРЕНІЕ

ВЪ ПЯТИ ПѢСНЯХЪ.

МОСКВА.

1836.

Ce. Mumpropane.

ХВАЛЕБНОЕ
ПРИНОШЕНІЕ ВѢРЫ

НОВО-ПРОСЛАВЛЕННОМУ СВЯТИТЕЛЮ

МИТРОФАНУ,

ЕПИСКОПУ ВОРОНЕЖСКОМУ.

СТИХОТВОРЕНІЕ

ВЪ ПЯТИ ПѢСНЯХЪ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.

1836.

PG3320
A1K5

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ сей книжки. Іюня 21 го дня 1834 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ: Профессоръ Протоіерей Ѳеодоръ Голубинскій.

ПѢСНЬ 1^я.

ПУСТЫННОЖИТЕЛЬСТВО.

Удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни.
(Псал. LIV. 8.)

Кто дастъ Давидову мнѣ Лиру?
Кто дастъ мнѣ Ангельски уста, —
Воспѣть Россіи, Церкви, міру
Героя Вѣры и Креста,
Красу Петровыхъ дней и Трона,
Тебя, мужъ велій, Митрофанъ,

Свѣтило Церкви, святость Дона,
Кто чадамъ Вѣры снова данъ
Небесной благости залогомъ,
Зарей благословенныхъ дней,
Святой печатью мира съ Богомъ,
Врачемъ недуговъ и скорбей? —

Отечество чудесъ, Россія!
Возвысь хвалебныхъ пѣсней жаръ:
Еще отъ высоты Святыя
Тебѣ щедротъ низпосланъ даръ;
Еще какъ солнце надъ Сіономъ,
Чтобъ мракъ печалей разогнать,
МОНАРХА Мудраго надъ Трономъ
Сіяетъ Божья благодать!
Когда громъ правый НИКОЛАЯ
Каралъ упорнѣйшихъ враговъ,

И язва смерти роковая,
Гнѣздясь внутри твоихъ градовъ,
Свирѣпства жертвъ не разбирала,
Носясь съ губительнымъ серпомъ,
И огнь куреній, и забрала
Быть не могли отъ ней щитомъ, —
Когда и Вѣра утомилась,
Вздыхая, Неба подъ грозой,
Надежда въ слезы погрузилась
Подъ тяжкою судьбы рукой, —
Тогда — о дивны Неба тайны!
Въ отраду слезъ, въ замѣну бѣдъ,
Свѣтильникъ въ Церкви чрезвычайный
Разлилъ Святыни яркій свѣтъ.
Изъ нѣдръ земли, изъ тьмы могильной,
Нетлѣнный плотію своей,
Чудесъ дарами изобильный,

Явился Ангелъ нашихъ дней!
Благоговѣйте, чада Вѣры,
Предъ храминой его святой! —
Челомъ во прахъ, о изувѣры,
Передъ святыней гробовой! . .
Еще-ль не видите, слѣпые,
Коль дивенъ Богъ нашъ во Святыхъ,
Когда и кости ихъ сухія
Тучнѣютъ во гробахъ своихъ? . .
Умолкни буйна мудрость вѣка,
Внимай, иль въ тьмѣ глухой дремли; —
Дерзаю пѣть не человѣка —
Во плоти Ангела земли!

Смотрю въ даль бытности глубокой, —
И се, подъ сумракомъ временъ,
Въ странѣ безмолвной, одинокой,

Близъ Суздаля, внутрь бѣдныхъ стѣнъ
Золотниковскія пустыни,
Сокрытый отъ мірскихъ суетъ,
Подвижникъ доблестный святыни,
Простой, Хрістовъ Анахоретъ,
Мужъ опыта, лѣтами зрѣлый,
Въ трудахъ, во бдѣніи, въ постѣ
Несетъ безмолвья крестъ тяжелый! —
Какъ горлица, одна въ гнѣздѣ,
Средь дебри жалобно тоскуетъ,
Такъ по отчизнѣ не земной,
Распявшись міру, здѣсь ревнуетъ
Другъ Вѣры сердцемъ и душой.
Безвѣстность мрачная скрываетъ
Его отъ славы, отъ людей;
Никто изъ Праотцевъ не знаетъ,
Кто съ первыхъ колыбельныхъ дней

Былъ пестуномъ его родимымъ,
Какимъ вождемъ на правый путь
Былъ въ юности руководимымъ,
И кто умѣлъ ему вдохнуть
Любовь къ святой, безмолвной жизни,
О томъ преданіе молчитъ,
И въ самыхъ древностяхъ отчизны
Ни искра свѣта не горитъ. . .
Такъ, такъ судьбамъ угодно было
Возжечь изъ мрака дивный свѣтъ,
Да Вѣры новое свѣтило
Сіяетъ въ тьмѣ позднѣйшихъ лѣтъ!

Не долго райскій цвѣтъ сей крылся
Въ пустынной мглѣ, лѣсовъ въ глуши;
Далеко ароматъ разлился
Въ добротахъ зрѣющей души.

Подвижникъ жизни молчаливой,
Смиренный сердцемъ Митрофанъ,
Обителью благочестивой
Былъ избранъ въ благодатный санъ —
Сталъ Пастыремъ, вождемъ спасенья; —
Здѣсь братій убѣжденъ мольбой,
Невольно принялъ жезлъ правленья,
И былъ попутной ихъ звѣздой.
Не такъ въ ночи пловцамъ сіяетъ
Средь бурной влаги Оріонъ,
Какъ жизнь Святая озаряетъ
Земнымъ пришельцамъ путь въ Сіонъ.
О громкіе фаросы вѣка!
О величавые умы!
Воззрите здѣсь на человѣка
Простаго, средь пустынной тьмы:
Безъ книгъ, безъ выспреннихъ познаній,

Съ Хрістовой книгою одной;
Въ немъ нѣтъ блестящихъ дарованій, —
Весь міръ его — въ странѣ пустой,
Трапеза — снѣдь сухаго хлѣба,
Возглавье — камень, одръ — доска;
Но сколь въ подвижникѣ для неба
Душа смиреньемъ высока! . .
Что умъ въ наукахъ изощренный,
Безъ Вѣры искренней, живой? . .
Мертвецъ, парчею облеченный,
Красивый плодъ, внутри гнилой.
Сколь часто умъ великій мудрымъ
Бываетъ пагубой самимъ; —
А Божій рабъ съ талантомъ скуднымъ
Спасается путемъ простымъ!
Сколь часто, жадный къ словопреньямъ,
Умъ гордый истины не зритъ; —

А кроткій сердцемъ мужъ съ терпѣньемъ
Сторичный Вѣры плодъ творитъ! —

Еще не славилась Россія
Столпами мудрости земной; —
Но мужи Вѣры въ ней простые
Сіяли доблестью святой.
Какъ первые ловцы Вселенной,
Хрістовы рыбари, — они
Путемъ шли Вѣры неразтлѣнной,
Цѣнили въ ней дѣла одни.
Имъ чужды были всѣ шатанья
Превратныхъ толковъ и ума,
И Вѣрѣ ихъ безъ мудрованья
Не приражалась лести тьма.
И сколько Церковь въ древни лѣта
Стяжала Божіихъ друзей!

Тамъ дивный Сергій, чуждый свѣта, —
Пустыни житель съ юныхъ дней,
Здѣсь Алексій, Петръ и Іѡна,
Три Церкви свѣтлыя главы, —
Вожди Царей, опоры Трона,
Земные Ангелы Москвы;
А тамъ — на Сѣверѣ и Югѣ,
Куда ни проникаетъ взоръ,
Во всемъ державы Руской кругѣ,
Какой Святыхъ мужей Соборъ! . . .
Ихъ Церковь вѣчно ублажаетъ,
Гремитъ во храмахъ имъ хвала;
Не ими-ль Вышній насъ спасаетъ?
Не ими-ль Вѣра процвѣла? . . .
И се, въ соборѣ преподобныхъ,
По сердцу Божію мужей,
Средь подвиговъ Богоугодныхъ

Героя пѣсни зрю моей!
Не тотъ великъ, предъ кѣмъ трясется
Въ оковахъ покоренный міръ,
Предъ кѣмъ рѣкой кровь братій льется
На алчный честолюбья пиръ; —
Не тотъ, кто грады, царства губитъ,
По трупамъ мчась за славой въ слѣдъ,
О комъ Востокъ и Западъ трубитъ
Подъ дымомъ громовыхъ побѣдъ; —
Но кто умѣлъ враговъ домашнихъ
Въ душѣ и сердцѣ побѣдить,
И въ подвигахъ добра всегдашнихъ,
Умъ надъ страстями воцарить.
Тотъ истинный герой, кто вѣрой
На князя тьмы вооружась,
Не обольщался благъ химерой,
Съ лукавымъ міромъ не дружась,

Улыбкѣ щастія коварной
Кто совѣсти не продавалъ;
И жертвы идольской, безславной
Предъ суетой не возжигалъ;
Кто вождѣленій плоти, крови
Утѣхъ сластями не питалъ,
И къ Богу дѣвственной любови
На прелесть вѣка не мѣнялъ; —
Кто на богатства, пышность славу
Взиралъ какъ на ничтожный прахъ,
И какъ души своей отраву,
Не допускалъ къ себѣ на шагъ; —
Кто, какъ пришлецъ земли минутный,
Былъ жертвой покаянныхъ слезъ,
И всякій часъ, какъ вѣтръ попутный,
Ловилъ, чтобы достичь Небесъ. —

Такъ, ужь не въ Суздальской безмолвной, —
Но тихой Унжи на брегахъ,
Въ обители древнѣйшей, скромной
Жилъ Митрофанъ въ святыхъ трудахъ!
Какъ царь пернатыхъ солнце-окій,
За облака паритъ орелъ,
И тамъ, въ эѳирѣ, одинокій,
Глазами мѣритъ темный долъ: —
То видитъ змѣй въ травѣ шипящихъ
Надъ спящимъ въ стадѣ пастухомъ,
То хищныхъ ястребовъ, грозящихъ
Разрознить мать съ ея птенцомъ; —
Но вдругъ спускаясь въ долъ съ размахомъ,
Грозою свищетъ мощныхъ крилъ, —
И чуткій змѣй бѣжитъ со страхомъ,
И ястребъ жертву позабылъ. . . .
Такъ сей подвижникъ бодрый Вѣры,

Безстрастной жизни на горѣ,
Вперивъ свой умъ въ незримы сферы,
Какъ свѣтлый духъ, добротъ въ зарѣ,
Стоитъ весь въ Бога погруженный,
Весь жертва, весь Ему алтарь, —
И попирая міръ сей бренный,
Страстями властвуетъ, какъ Царь. —
Пусть кистію моею водитъ
Самъ Ангелъ, — чтобъ списать того,
Кого лишь Ангелъ превосходитъ
Добротой свѣта своего.
Смотрите, какъ сей воинъ новый
Среди мятежной жизни волнъ,
Подъ игомъ нищеты Хрістовой
Стоитъ добротъ духовныхъ полнъ!
Какъ ни единою чертою
Не сходны съ нимъ земли сыны!

Они скитаются толпою
Безъ цѣли средь земной страны, —
А онъ, какъ сынъ другой отчизны,
Какъ невсегдашній здѣсь жилецъ,
Онъ въ за-могильной токмо жизни
Находитъ лучшій свой конецъ. —
Кто разглашать заслуги любитъ, —
А онъ таитъ ихъ отъ людей,
Творя добро, другимъ не трубитъ,
Смиренный въ совѣсти своей.
Кого обиды тѣнь смущаетъ,
И движетъ на кровавый бой, —
Сей о врагахъ къ Творцу вздыхаетъ,
Чтобъ въ рай ввести ихъ за собой. —
Иный томясь корыстью низкой,
Какъ левъ, добычей лишь живетъ,
А онъ, какъ другъ душой всѣмъ близкій,

Послѣдню лепту отдаетъ.
Мы жизнь всѣ любимъ для забавы, —
И мысль о смерти намъ тяжка;
Онъ любитъ жизнь для Божьей славы, —
Съ нимъ Богъ, и смерть ему сладка! —

Наставникъ братіи смиренный,
Онъ, какъ отецъ семьи родной,
Трудится день и ночь, согбенный
Подъ игомъ должности святой. —
»О чада, помните обѣты! . . .
(Такъ часто имъ совѣтъ внушалъ):
»Вы нищетой Хріста одѣты,
»Блюдитесь, чтобъ златой металлъ,
»Сей идолъ суеты мірскія,
»Не приковалъ къ себѣ сердца̀,
»И чтобы помыслы плотскіе

»Не слили новаго тельца! . . —
»Внимайте, ближе ли вы къ Богу,
»Наружно съ міромъ разлучась,
»И тѣсную избравъ дорогу,
»Разторгли ль всякую съ нимъ связь? —
»Что? если мирный сынъ пустыни,
»Служитель Вѣры, Божества,
»Влекомый прелестью гордыни,
»Межъ братій ищетъ старшинства?
»Что? если жизнь трудовъ духовныхъ
»Въ покой для плоти обратимъ? —
»Увы! какой въ дѣлахъ грѣховныхъ
»Отвѣтъ мы Богу отдадимъ! . . .
»Падетъ на насъ, падетъ судъ строгій,
»Судъ за нарушенный обѣтъ,
»И тамъ, — связавъ намъ руки, ноги,
»Геенне въ жертву отошлетъ! —

»Мы дѣти слезъ, Креста, молитвы;
»Не нашъ удѣлъ — веселье, смѣхъ;
»Мы воины духовной битвы;
»Не намъ алкать мірскихъ утѣхъ . . . .
»Да будетъ келья намъ темницей,
»Какъ осужденнымъ во грѣхахъ, —
»Чтобы съ слезящею зѣницей,
»Съ челомъ, поверженнымъ во прахъ,
»Съ елеемъ дѣлъ благихъ горящимъ,
»Какъ дѣвамъ мудрымъ не дремать,
»И предъ Крестомъ Животворящимъ
»Въ молитвахъ души повергать!«
Вѣщалъ — и первый самымъ дѣломъ
Свершалъ въ смиреньи трудный путь,
Душой работая и тѣломъ,
Не зналъ безпечно отдохнуть.
Ни день средь ранняго восхода

Не предварялъ Его трудовъ;
И ночь, гдѣ сладко спитъ природа,
Была лишь бдящему покровъ.
О звѣзды, ясны неба очи,
И ты, пустыни другъ, луна,
Вы зрѣли, какъ во мракѣ ночи
Онъ часто бодрствовалъ безъ сна,
Какъ, стражъ обители безсмѣнный,
Въ молитвахъ къ Богу воздыхалъ,
И кельи мракъ уединенной
Святыни свѣтомъ озарялъ!

Такъ въ Суздалѣ пустыни сѣмя
Подъ солнцемъ Вѣры возрасло,
И, чтобъ прославить наше время,
Плодъ благодатный принесло! —
Красуйся, Унжская обитель,

Увы! въ твоемъ священномъ лонѣ
Гнѣздились адской чада тьмы:
Здѣсь мятежи Стрѣльцовъ на Тронѣ,
Какъ бури нравственной чумы,
Миръ царства злобно потрясали;
Тамъ нагло въ весяхъ и градахъ
Соблазны Вѣру раздирали; —
Покоя не было въ сердцахъ! . . .
О вѣкъ смятеній! вѣкъ раскола, —
Гдѣ сонмы злыхъ еретиковъ
На святость Божія Престола
Рыкали съ яростію львовъ!
Кто дастъ мнѣ горькихъ слезъ потоки,
Оплакать Пастырей судьбу,
Ихъ искушенія жестоки,
Ихъ тяжкую со тьмой борьбу?
Се зубы гидры зрю стоглавой

Разсѣяны въ Руси святой!
Какъ алчетъ зѣвъ ея кровавый
Всей Церкви поглотить покой!
Гдѣ, гдѣ твои могучи персты,
Сампсонъ, о дивный силы мужъ?
Приди сомкнуть сей зѣвъ, разверстый
На пагубу прельщенныхъ душъ! —
Увы! всѣ тщетны были мѣры
Безумцевъ дерзость обуздать;
Какъ звѣри люты, — изувѣры
Зіяли Церковь разтерзать.
Расколъ, умовъ слѣпыхъ отрава,
Всѣ страны царства обуялъ,
И какъ клокочущая лава,
Повсюду ужасъ разливалъ . . . .
Се, зрю, злодѣй въ святой одеждѣ —
Главу возносящъ Аввакумъ;

Никитѣ — извергу, невѣждѣ
Покорствуетъ душъ слабыхъ умъ!
Увы! слѣпцы вождя слѣпаго
Чтутъ рабски честью торжества, —
А храма красоту Святаго
Въ позоръ вмѣняютъ Божества;
Поруганъ Никонъ безпримѣрный, —
Гнушаются, какъ мнимой скверны,
Святыни страшной Хрістіанъ; —
Спаситель въ Таинствахъ попранъ! . . .
Увы! подвиглась преисподня
Всей тьмой зловѣрья на Хріста; —
Печально истина Господня
Сіяла славою Креста! . .
Не сильны были кротки мѣры
Собора Пастырей Святыхъ,
Склонить къ союзу правой Вѣры

Рабовъ раскола буйныхъ, злыхъ;
Ни гнѣвъ державный Алексія
Не могъ развратныхъ укротить;
Ни ссылками въ мѣста пустыя
Ихъ въ нѣдра Церкви возвратить.
Въ Сибири хладной, на Тюмени,
И въ Брынскихъ пасмурныхъ лѣсахъ,
Они, какъ гробовыя тѣни,
Лишь скрылись съ злобою въ сердцахъ.....—

Другія мѣры нужно было
Царю Ѳеодору принять:
Чтобъ Іерархіи кормило
Могли Святители держать
Успѣшнѣе среди раздора
Умовъ отчаянныхъ, слѣпыхъ —
И Вѣрѣ противъ ихъ напора

Имѣть поборниковъ своихъ, —
Чтобъ Церкви миръ не потрясало
Столь необузданное зло, —
Умножить въ царствѣ надлежало
Каѳедръ Святительскихъ число; —
И тотчасъ Устюгъ, Холмогоры,
Черкаскъ, Воронежъ и Тамбовъ,
Подъемлютъ къ Небу свѣтлы взоры,
Зря въ Іерархахъ свой покровъ! —

Здѣсь, здѣсь я вижу Митрофана!
Се Онъ, съ святительскимъ жезломъ,
Первосвященникъ въ блескѣ сана —
Но кротокъ сердцемъ и умомъ! —
Какъ градъ, на высотѣ стоящій,
Не можетъ скрыться отъ очей:
Такъ свѣтомъ доблестей горящій

Вь пустынной тишинѣ своей —
Сей доблій мужъ, бывъ Вѣры чудомъ,
Живой скрижалью добрыхъ дѣлъ,
Не долго могъ лежать подъ спудомъ: —
Его ждалъ выспренній удѣлъ, —
Свѣтиломъ тверди быть церковной,
Священства видимой главой, —
Вождемъ на пажити духовной
Овецъ въ небесный ихъ покой! —

И се на немъ Хиротонія! . . .
Кипитъ народомъ Кремль и Храмъ;
Отверзлись высоты святыя
Принять служебный фуміамъ
Отъ чистыхъ рукъ Іоакима;
Стеклись Епископы, Сунгклитъ,
И вся Москва необозрима

Въ мольбѣ предъ Богомъ предстоитъ!
Тебѣ, Воронежъ, градъ Блаженный,
Божественная Благодать
Для паствы сирой, отдаленной
Готова Пастыря создать;
Ему Святительства каѳедра
Достойно будетъ предана;
Онъ первый новой паствы въ нѣдра
Посѣетъ Вѣры сѣмена.
Се Мужъ избранный, благодатный
Даетъ предъ Церковью обѣтъ, —
Обѣтъ великій, необъятный —
За паству Богу дать отвѣтъ! . .
»О санъ высокій! ужасаюсь. . .
(Такъ мыслилъ въ сердцѣ Митрофанъ):
»Какой я властью облекаюсь!
»Какой мнѣ жребій Небомъ данъ!

»Могуль не трепетать душою —
»Какъ братій мнѣ рѣшить, вязать?
»Стоя надъ бездной роковою,
»Отъ бездны грѣшника спасать?
»Я безоруженъ, — и покровомъ
»Быть долженъ слабому всегда;
»Въ семъ санѣ благодатномъ, новомъ
»Какъ свой, грѣхъ чуждый, мнѣ бѣда! . .
»Слова мои, какъ огнь небесный
»Должны зло жечь, добро живить:
»И я ли въ храминѣ тѣлесной
»Могу, какъ Ангелъ чистый, жить?
»Мнѣ-ль быть посредникомъ межъ Богомъ,
»И межъ людьми, какъ Моѵсей?
»Мнѣ-ль жизни здѣшней за порогомъ
»Вѣнчаться мздой Святыхъ мужей? . .
»О Боже! подъ Твоей рукою

»Вступаю въ паству съ симъ жезломъ!«
Вѣщалъ, — и трепетной ногою
Сталъ предъ Господнимъ алтарёмъ,
И въ горній міръ свой умъ вперяя, —
Цѣлуя Крестъ, творитъ обѣтъ —
Колѣна, выю преклоняя,
На рамена свои беретъ
Всю тяготу Хрістова ига. —
Уже передъ Соборомъ всѣмъ
Святѣйшая разгнулась Книга: —
Десница Вышняго на немъ! —
И се, пустынный Вѣры воинъ
Пріемлетъ митру, омофоръ; —
Онъ Церкви Іерархъ! »*достоинъ*«!
Воскликнулъ Пастырей Соборъ.
Я зрю, какъ Благодати сила,
Спустившись огненнымъ лучемъ,

Всей полнотой своей почила
Въ сосудѣ избранномъ своемъ.
Проникнутъ Духомъ животворнымъ,
Онъ сталъ живый Хріста органъ;
И съ сердцемъ чистымъ, незазорнымъ
Несетъ Божественный сей санъ; —
И ждетъ Воронежъ восхищенный
Зрѣть Церкви Ангела сего; —
И жаждутъ веси отдаленны
Благословенья устъ Его.
Не такъ печально сохнутъ нивы
Безъ каплей свѣжаго дождя,
Какъ томенъ градъ благочестивый
Безъ Іерарха, безъ вождя.
Ахъ, долголь здѣсь среди пшеницы
Посѣять плевелы врагу?
Ужъ грозно рѣютъ хищны птицы

На сиромъ Дона берегу, —
И страшны когти ихъ готовы
Птенцовъ отъ Церкви оторвать. —
Спѣши сюда, о Пастырь новый,
Спѣши опасность отражать!
Одинъ твой взоръ, одно явленье
Разливы зла предупредитъ,
Твое святое попеченье
Всѣхъ въ правой Вѣрѣ утвердитъ!

Не скоро новое свѣтило
На свой восходитъ небосклонъ:
Его въ Москвѣ остановило
Вѣнчанье двухъ Царей на тронъ.
Здѣсь первый опытъ Митрофана
Ждалъ, къ славѣ сдѣлать важный шагъ, —
Когда Петра и Іоанна

Вѣнчалъ на Царство Патріархъ.
О путь судебъ непостижимый!
Кто могъ себѣ вообразить,
Чтобъ Пастырь, паствою незримый,
Былъ призванъ торжеству служить
Младыхъ Царей въ день ихъ вѣнчанья?
О жребій славный, дорогой!
Кто сей средь полнаго собранья
Вѣнецъ подноситъ золотой
Великому въ земныхъ Владыкахъ,
Тому, Кто жизнь Россіи далъ,
Чьи доблести во всѣхъ языкахъ
Гремятъ безсмертіемъ похвалъ?
Не Ты ли, новоблагодатный,
Святитель первый южныхъ странъ,
Хрістовъ цвѣтъ райскій, ароматный,
Петровъ любимецъ, Митрофанъ? —

Ты зрѣлъ здѣсь торжество Россіи
Во блескѣ царскаго вѣнца,
Конецъ всѣмъ замысламъ Софіи,
И свѣтлый взоръ Царя-птенца! . . .
Ты зрѣлъ, какъ Петръ, орелъ сей юный,
Мужался въ силахъ подъ вѣнцемъ,
Готовилъ на враговъ перуны,
И росъ, чтобъ Россовъ быть Отцемъ!
Се онъ въ Палатѣ Грановитой,
Десятилѣтній Царь-Герой, —
Нашъ новый Іоасъ, съ открытой
И полной мужества душой,
Одинъ стоитъ за правость Вѣры! . .
О страхъ, когда за книги споръ
Въ Кремлѣ воздвигли изувѣры!
Вперяю въ бытность древню взоръ; —
Кипитъ пучина бѣдъ, крамола . . .

Съ Хованскимъ, тайнымъ зла вождёмъ,
Никита — тигръ, глава раскола, —
Съ нимъ пустосвятовъ весь Содомъ,
Се, съ буйною стрѣльцовъ дружиной,
Въ толпѣ прельщенныхъ тьмы рабовъ,
Стремятся съ яростію львиной
Въ соборъ Царей, Святыхъ отцовъ! —
Идутъ съ налоями, свѣчами; —
Несутъ иконы, кучи книгъ, —
Подъемля дерзкими устами,
Съ хулой на Церковь, дикій крикъ;
Тамъ Никона, во гнѣвѣ злобномъ,
Проклятій громомъ бременятъ;
Здѣсь смертію на мѣстѣ Лобномъ
Іоакиму втай грозятъ.
Пришли съ нелѣпой челобитной
Безумные Царей просить,

Чтобъ имъ въ Палатѣ Грановитой
О Вѣрѣ преніе открыть.
Склонилась наконецъ Софія
Принять Хованскаго совѣтъ; —
И се, въ чертоги золотыя
Вступила тьма съ борьбой на свѣтъ!
Ты возсѣдалъ на семъ Соборѣ,
Поборникъ Церкви, Митрофанъ;
Ты здѣсь вѣщалъ въ священномъ спорѣ,
Какъ Духа Божія органъ!
Се, Аѳанасій воружился
Всей силой слова и ума, —
Тотчасъ сонмъ буйныхъ посрамился,
И воскипѣла злобой тьма;
На месть подвиглись пустосвяты, —
Скрежещутъ зубы ихъ, какъ адъ;
Ревутъ, — и руки ихъ подъяты,

Чтобы разсыпать камней градъ;
Всѣ рвутся на Іоакима,
Какъ волки агнца разстерзать; —
И только власть на Тронѣ зрима
Могла ихъ дерзость обуздать:
»Злодѣи! — грозно къ нимъ взывала
Державная Царей сестра:
»На зло ли Церковь воспитала
»Васъ въ лонѣ Вѣры и добра? . .
»Оставьте тщетный споръ; иль васъ
»На Лобномъ мѣстѣ казнь постигнетъ!
»Умолкните, иль сей же часъ
»Глава и корень вашъ погибнетъ! . . .«
Умолкла, — и за нею въ слѣдъ,
Съ златокованнаго престола,
Въ слезахъ, со гнѣвомъ, Петръ встаетъ:
»Кто вамъ, — поборники раскола,

»Крамольники, враги Креста,
»Кто дастъ вамъ воевать у Трона
»На Церковь, Вѣру и Хріста? . . .
»Клянусь! — пока сія корона
»Еще останется на Мнѣ, —
»Пока кровь въ жилахъ станетъ биться,
»Не попущу въ родной странѣ
»Врагамъ на Церковь возноситься,
»И Вѣру правую хулить! —
»Какъ самъ почтенье къ Ней питаю,
»Такъ всѣмъ, вашъ Царь, повелѣваю,
»Ее одну святою чтить!«
Вѣщалъ — и мечь сверкнулъ во длани
Молніеносною грозой; —
Мгновенно стихла буря брани:
Съ стыдомъ мятежники, толпой,
Какъ тѣни блѣдны удалились,

И только въ гордости своей
Побѣдой ложною хвалились,
На обольщеніе людей.
Но вождь ихъ, духомъ злымъ томимый,
Другій отверженный Саулъ, —
Повергся ницъ, народомъ зримый,
И смертью ужасъ всѣмъ вдохнулъ. . . .

»О Боже, силою Твоею
»Возвеселится юный Царь!
»Се Петръ связалъ уста злодѣю
»Съ хулой на Вѣру и Алтарь!
»Ты укротилъ Его десницей
»Еретиковъ свирѣпый ревъ;
»Его державной багряницей
»Закрылъ зіявшій гидры зѣвъ.
»Тебѣ, Господь, хвала и слава!

»Къ Тебѣ молитва всѣхъ дѣтей:
»Да процвѣтетъ Его держава
»Ко благу Церкви и людей!»

Такъ духомъ Митрофанъ молился
Въ Москвѣ за Церковь, за Царя:
Но онъ душой горѣлъ, стремился
Молиться тамъ, — у Алтаря
Своей каѳедры отдаленной; —
Онъ зрѣлъ въ Москвѣ умовъ раздоръ, —
И съ ревностью живой, священной
Спѣшилъ въ свой Іераршій дворъ. . .
Тамъ ждетъ Его Хрістова нива;
Тамъ алчутъ зрѣть Его сердца! —
Встрѣчай Его, страна счастлива;
Ты узришь въ Пастырѣ Отца! . . .

ПѢСНЬ 5я.

ПАСТЫРСКОЕ СЛУЖЕНІЕ.

Таковъ намъ подобаше Архіерей.
(Евр. VII. 26.)

Ликуй восторгомъ упоенный,
Ликуй, Воронежъ, — мирный градъ!
Се Пастырь, Богомъ освященный,
Явился внутрь твоихъ оградъ!

Ликуй, — онъ первый, жезлъ правленья
Тебѣ въ рукахъ Своихъ несетъ;
Въ устахъ Его благословенье;
Лице святынею цвѣтетъ.
На мантіи Его потоки
Обильныхъ Божества даровъ;
Въ скрижаляхъ на груди — уроки
Всѣмъ вѣрнымъ: чтить сосудъ Хрістовъ!
Съ крестомъ и въ митрѣ драгоцѣнной —
Онъ Церкви воинъ и женихъ;
Онъ, омофоромъ облеченный,
Несетъ на раменахъ Своихъ
Святое иго попеченій
О благѣ ввѣренныхъ овецъ;
Благоговѣй къ Нему; Онъ геній —
Хранитель паствы и Отецъ! —

Какое нужно украшенье
Мірскихъ отличій для Него?
Онъ Богомъ — славы въ облаченье
Одѣтъ, какъ Ангелы Его.
Ему ль еще искать у Трона
Титлъ громкихъ отъ земныхъ Владыкъ?
Строитель Таинъ, стражъ закона, —
Другъ Божій, — сколько Онъ великъ! —
Ему ль алкать чиновъ блестящихъ?
Въ очахъ Его вся слава — дымъ!
При Таинствахъ животворящихъ —
Онъ самъ во плоти Херувимъ!
И власть въ рукахъ Его — власть Бога
Не выше ль власти всей земной?
Ключи Небеснаго Чертога
Не Онъ ли носитъ предъ Собой? —
Не льсти Его, о міръ лукавый!

Приманкой вѣтротлѣнныхъ благъ; —
Онъ не земной поклонникъ славы,
Его вся слава въ небесахъ! —
Не улыбнешься? Онъ не стонетъ,
Счастливый нищетой своей;
Колѣнъ фортунѣ не преклонитъ,
Свободный отъ ея цѣпей.
Рабъ Божій въ плѣнъ слѣпой богинѣ
Отдастъ ли сердца красоту?
Нѣтъ! въ Ангельскомъ поставленъ чинѣ,
Онъ храмъ, Онъ жертва лишь Хрісту!
Забудешь ты его, оставишь,
Иль отягчишь гоненьемъ злымъ?
Но не унизишь, не умалишь
Великаго Хрістомъ однимъ!
Апостолъ новой Благодати,
Кого не стóитъ цѣлый міръ, —

Онъ умереть готовъ за братій,
И не прельститъ его кумиръ
Сердецъ слѣпыхъ и слабыхъ, — злато,
Чтобъ долгу сана измѣнить:
Въ Немъ сердце Божествомъ объято,
И сладость вся — Хріста любить! —

Таковъ въ душѣ Его служитель,
Первостоятель алтарей!
Сей славы Божіей ревнитель,
Небесъ посланникъ, вождь людей,
Самъ для себя подвижникъ строгій,
Но другъ нѣжнѣйшій немощнымъ;
Тернистой самъ идетъ дорогой, —
Но угладжая путь другимъ,
Онъ всѣхъ врачуетъ Вѣры словомъ,
Всѣмъ утѣшенья льетъ бальзамъ;

Самъ въ воздержаніи суровомъ, —
Но бремя носитъ пополамъ
Съ сынами немощи грѣховной;
И какъ молитвы крѣпкій мужъ,
Слезами, Жертвою безкровной
Смываетъ скверны съ нашихъ душъ!

О, сколь высокаго почтенья
Достоинъ сей Христовъ сосудъ!
Сколь важенъ санъ Его служенья!
Сколь благотворенъ, дорогъ трудъ!
Ахъ, сколько камней претыканья
Ему въ семъ подвигѣ святомъ!
Какія тяжки испытанья —
Бороться съ царствующимъ зломъ! —
»О родъ невѣрный, развращенный!
»Доколѣ съ вами буду жить?«

Такъ самъ Спаситель Воплощенный
Не могъ безъ горести сносить
Упорства злыхъ сердецъ жестоки.
Чтожъ будетъ дѣлать Моусей,
Зря на земли одни пороки?
Въ порывахъ ревности своей,
Среди снѣдающей печали
По Богѣ, о людскихъ грѣхахъ —
Не сокрушитъ ли въ прахъ скрижали
Тамъ, гдѣ не дѣйствуетъ ни страхъ,
Ни мудрость, ни любовь совѣта,
Ни жизни образъ, ни труды,
Чтобъ царствію Хрістова свѣта
Явить служенія плоды? —
Какая тяжкая работа
Другихъ спасенье созидать! —
Какая Пастырю забота

Кормиломъ Церкви управлять!
Не такъ ораѣи вздыхаютъ,
Когда на нивѣ ихъ родной
Пшеницы злато подавляютъ
Густые плевелы собой, —
Какъ стражъ Хрістова Вертограда
Душой стѣсненною скорбитъ,
Когда на почвѣ винограда
Одни колючи терны зритъ. —
Объемлю взоромъ изумленнымъ
Необозримый кругъ трудовъ, —
Въ который съ сердцемъ устрашеннымъ
Вступилъ нашъ Іерархъ Хрістовъ.
Уже не прежній миръ пустыни
Зритъ Митрофанъ передъ Собой,
Но стѣны Храмовой Святыни
Покрыты мракомъ, нищетой.

Какая жалость духъ снѣдаетъ
О домѣ Божіемъ Его!
Храмъ каѳедральный упадаетъ, —
И первый подвигъ для Него
Возставитъ изъ пустыхъ развалинъ
Хрістову скинію скорѣй. —
Уже высоко храмъ поставленъ —
Но не созрѣлъ въ красѣ своей! . . . .
Рука съ рѣзцомъ остановилась,
Погибло злато все въ пыли, —
Когда непрочность стѣнъ открылась
Въ основѣ хилой внутрь земли.
Пятнадцать лѣтъ сей колоссальный
Вотще сооружался храмъ. —
И Митрофанъ, душой печальный,
Вздыхая долго къ небесамъ,

Не зрѣлъ святаго утѣшенья,
Чтобъ въ полномъ блескѣ торжества
Святыней жертвоприношенья
Величить славу Божества.
Смиренный, болѣе молился
Въ своей келейной тишинѣ; —
И первый даръ чудесъ открылся
Во всей Воронежской странѣ,
Отъ мантіи Его нетлѣнной! . . .
Какъ прежде въ древности священной,
Простая милоть Иліи,
Гдѣ Божія скрывалась сила,
Чрезъ Елисея водъ струи
Ударомъ легкимъ раздѣлила,
Давъ путь ему чрезъ Іорданъ:
Такъ мантія сія простая,

Въ которой духомъ Митрофанъ,
Въ бесѣдахъ Бога созерцая,
Молился о спасеньи душъ,
Явила, сколь великъ сей мужъ!

Мнѣ ль умолчать, о мужъ блаженный!
Святые подвиги твои?
Они хоть тайной покровенны, —
Но дивные лучи свои
Въ твоемъ нетлѣніи являютъ! . . .
Не такъ ли чистыя дѣла
Всегда смиренныхъ прославляютъ? —
Не такъ ли тихой нощи мгла
На шатровидномъ небосклонѣ
Ярчѣе возвышаетъ блескъ
Безмолвныхъ звѣздъ въ ея коронѣ?

Такъ! не всегда хвалебный плескъ
Достоинствъ истинныхъ — порука! —
Сколь часто славнаго дѣлами
За гробомъ ждетъ позоръ и мука;
А мужа скромнаго межъ нами
Вѣнчаетъ славой самъ Господь! —
И кто предъ Нимъ трудился тайно,
Въ безмолвьи распиная плоть,
Того чудесно, чрезвычайно
Безсмертитъ въ тлѣніи самомъ!

Смотрю въ слѣдъ Пастыря Святаго,
И удивленный, вижу въ Нёмъ
Лишь образъ житія простаго.
Идетъ смиренный паствы Вождь
Стезёй Евангельской прямою; —

И льетъ въ сердца Небесный дождь
Безъ шума, тихою росою.
Не гибокъ умъ Его, но правъ;
Не хитръ, но чистъ всегда и вѣренъ.
Онъ важенъ, но не величавъ,
Благочестивъ — не лицемѣренъ.
Душой великъ, но сердцемъ простъ,
Трудолюбивъ, но мзды не проситъ; —
Хранитъ безмолвно строгій постъ, —
Но тѣмъ Себя не превозноситъ. —
Нося величественный чинъ,
Въ одеждѣ простъ, безъ униженья. —
Нужна ли пышность украшенья
Тамъ, — гдѣ Христова сада кринъ
Святыней всѣмъ благоухаетъ?
Наружность цѣнитъ лишь сей вѣкъ, —

Но Вышній въ сердце призираетъ; —
Лишь сердцемъ дорогъ человѣкъ! —
Какой любовію Онъ дышетъ,
Къ пасомымъ, къ Пастырямъ простымъ!
Виновнымъ судъ и милость пишетъ —
И никого жезломъ Своимъ
Отъ лона Церкви прочь не гонитъ;
Предъ Нимъ покорность не робка,
Заслуга въ бѣдности не стонетъ;
Онъ сирымъ Божія рука!
Сколь свѣтлымъ Церкви украшеньемъ
Былъ сей каѳедры Іерархъ!
Не Онъ ли самоотверженьемъ
Вездѣ запечатлѣлъ Свой шагъ,
И каждое души движенье?
Не Онъ ли, мышца Провидѣнья,

Повсюду благостной рукой
Щедроты разливалъ рѣкой?
Другъ бѣдныхъ, врагъ любостяжанья,
Тщеславья, роскоши бывъ чуждъ,
Онъ всѣ остатки достоянья
Въ ковчегъ отечественныхъ нуждъ
Вносилъ съ радушьемъ Патріота;
Его усердьемъ, слава флота
Твердынь Азовскихъ на стѣнахъ
Петра Великаго рукою,
Съ побѣдоносною грозою
Свой первый водрузила флагъ! —
Я зрю, какъ Пастырь безкорыстный,
Достойный пѣсней Алтаря,
Какъ благодушный сынъ отчизны,
Какъ лучшій другъ гражданъ, Царя,

Не разъ Свои избытки злата
На помощь противъ супостата,
На устроенье кораблей
Приноситъ самъ рукой Своей.
»Прими, о Царь, Отецъ Державный!
»Прими сей скудный даръ, вѣщалъ;
»Какъ сынъ отчизнѣ благодарный,
»Я ей на помощь сберегалъ
»Сіи немногія крупицы. . .
»Пусть моего усердья дань,
»Какъ лептъ Евангельской вдовицы,
»Подвигнетъ, укрѣпитъ во брань
»Твой новый флотъ противъ невѣрныхъ
»Въ походахъ трудныхъ, безпримѣрныхъ!«
Вѣщалъ — и тысячи сребра
Разсыпалъ щедрою рукою

Предъ Трономъ, предъ лицемъ Петра:
И Царь признательной слезою
Святитъ сей даръ безцѣнный вновь
На алтарѣ своей Державы! . . .
Такъ Пастырь, чуждый мзды и славы,
Снискалъ Монаршую любовь! —
Творецъ величія Россіи,
Петръ, дивный Сѣвера Герой,
Сломивъ врагамъ упорнымъ выи
Новѣйшей силою морской —
Лишь стѣны разгромилъ Азова, —
Тотчасъ Святителя Хрістова
Спѣшитъ наградою почтить:
Съ Нимъ славу брани раздѣляетъ,
Его *Азовскимъ* величаетъ; —
И могъ ли Петръ Его забыть? —

Не могъ Владыка полвселенной
Почтенья къ Старцу не питать,
И подвигъ славный, незабвенный
Своей хвалой не увѣнчать! —
Не могъ Петръ, Царь благочестивый,
Въ Немъ не признать святыхъ добротъ:
Его молитвами счастливый —
Онъ въ первый разъ узрѣлъ Свой флотъ,
Довольствомъ, силою снабженный,
Въ борьбѣ съ стихіей разъяренной,
Съ грозой летѣвшій на враговъ,
Предъ коимъ дрогнулъ, палъ Азовъ! . .
И кто постигнулъ тайны Бога? —
Не Сей ли также, можетъ быть,
Предстатель Горняго Чертога,
Не преставалъ Хріста молить

О домѣ Правнука Петрова
Въ тѣ дни, когда судьба сурова
Тягчила на Тебѣ вѣнецъ, —
О наше Солнце! Царь-Отецъ!
Не Онъ ли — (какъ сему не вѣрить?)
Еще недознанный въ Святыхъ,
Чтобъ мужество Царя измѣрить,
Въ потеряхъ сердцу дорогихъ,
Средь тяжкихъ браней со врагами,
Въ борьбѣ то съ язвой, то съ бѣдами,
Готовилъ міру показать —
На НИКОЛАѢ благодать? —
Такъ, такъ, нашъ Царь! Ты золъ годину
Прешелъ безвредно, какъ герой,
И бурныхъ опытовъ пучину
Закрыту зришь Его мольбой! . .

Блюститель Вѣры и Закона,

Не долженъ Пастырь тамъ молчать,

Гдѣ зрится страшная препона

Ему за истину стоять.

Что? если самъ Первостоятель

Боится правду говорить?

Безмолвный, — будетъ онъ предатель,

Безъ соли — души лишь гноить!

Не прочна слава правой Вѣры,

Гдѣ власть Церковная слаба,

Гдѣ дремлютъ ревности примѣры,

Гдѣ Пастыря молчитъ труба.

Апостолъ жизни не жалѣетъ

Въ священной рати за Хріста,

И подъ сѣкирой не робѣетъ

Упасть поборникомъ Креста! . . .

И кто не зритъ сего Героя
Въ Тебѣ, Мужъ твердый, Митрофанъ,
Когда спасенье паствы строя,
Ты, не боясь за жизнь и санъ,
Противусталъ суду Петрову
Съ примѣрной твердостью словесъ?
Не Ты ли, къ Алтарю Хрістову,
Съ потокомъ умиленныхъ слезъ,
Какъ жертва казни, приступая,
Скорѣй готовъ былъ умереть,
Чѣмъ, правой Вѣрѣ измѣняя,
Соблазны въ истуканахъ зрѣть? . . . .

Умолкни, Лира немощная;
Тебѣ ль хвалой Того вѣнчать,
Кто, какъ достойный житель рая,

Причтенъ міръ горній украшать?
Съ благоговѣньемъ повергаюсь,
Святитель Божій, предъ Тобой;
Твоимъ молитвамъ весь ввѣряюсь, —
Твоимъ щитомъ меня покрой! . . .

ПѢСНЬ 4я.

КОНЧИНА СВЯТИТЕЛЯ.

Честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его.
(Псал. CXV. 6.)

Конецъ вѣнчаетъ смертныхъ дѣло:
Кончину Пастыря пою;
Его нетлѣнно въ гробѣ тѣло
Одушевляетъ пѣснь мою!

Ужъ двадцать полныхъ лѣтъ скончали
Въ трудахъ Святительскихъ свой ходъ. —
Какъ душу Старца услаждали
Вездѣ плоды Его заботъ
На доброй пажити духовной! —
Повсюду въ весяхъ и градахъ
Упроченъ былъ покой Церковный;
И нравовъ пѣстунъ, Божій страхъ
Хранилъ безбѣдно паству вѣрныхъ;
Въ чертогахъ, въ хижинахъ смиренныхъ
Свѣтъ благочестія сіялъ;
Соблазнъ — душъ слабыхъ паутина,
Раба, вельможу, селянина
Разврата тьмой не ослѣплялъ:
И православной Церкви чада
Подъ Пастырскимъ святымъ жезломъ
Сего вождя Христова стада

Единый составляли домъ —
Домъ полный счастія и мира, —
И Пастырь паствой былъ любимъ!
Но смерти грозная сѣкира
Уже носилася надъ нимъ:
Глава сребристая склонилась
Подъ тяжкимъ бременемъ годовъ —
Грудь въ силахъ прежнихъ истощилась
Средь долговременныхъ трудовъ;
Ослабли мышцы многодѣльны,
Померкъ орлиныхъ свѣтъ очей;
Духъ бодръ; но плоть — сосудъ скудельный —
Сляцалась немощью своей.
Какъ таинъ дивныхъ Благовѣстникъ,
Святый, сынъ грома, Іоаннъ,
Хрістовъ любимецъ и наперсникъ —
Такъ Ангелъ Церкви — Митрофанъ,

На стражѣ бодрствуя высокой,
Не зрѣлъ до старости глубокой
Святой кончины дряхлыхъ лѣтъ,
Доколѣ паства оградилась,
Доколѣ Церковь утвердилась
И ярко разлила свой свѣтъ.
До днѣй позднѣйшихъ дольній житель,
Средь міра — добрый гражданинъ,
Въ пустынѣ — чистоты ревнитель,
Въ святительствѣ — за всѣхъ одинъ
Предстатель Божія Престола,
Одинъ словесныхъ стражъ овецъ
Отъ злыхъ волковъ, — сыновъ раскола,
Онъ всѣмъ слуга, всѣмъ другъ, отецъ,
Всѣмъ дѣлъ благихъ живая книга,
Всѣмъ правды вѣрная скрижаль —
Онъ изнемогъ уже отъ ига

И смерти роковая сталь
Ужь постепенно приближалась
Разрѣзать жизненную ткань,
Чтобъ райскимъ миромъ увѣнчалась
Съ недужной плотью духа брань.

Уже духъ вѣщій прозрѣваетъ
Кончины неизбѣжный часъ;
Ужь Старецъ жребій свой читаетъ:
Земля еси! къ землѣ склонясь;
И мнитъ: довольно, странникъ дольній,
Съ дорожнымъ посохомъ бродить;
Пора въ отечество, въ міръ горній
Отселѣ съ миромъ отходить!
И дряхлостію лѣтъ согбенный,
Сложивъ величественный санъ,
Спѣшитъ, могилѣ обреченный,

Облечься схимой Митрофанъ; —
И пишетъ трепетной рукою
Послѣдній къ братіи завѣтъ:
»О чада! васъ молю душою,
»Сей дольній оставляя свѣтъ —
»Желалъ я, чтобы прахъ мой бренный,
»Сроднившись наконецъ съ землей,
»Почилъ въ пустынѣ той смиренной,
»Гдѣ началъ подвигъ я святой,
»Гдѣ Богоматери обитель
»Меня пріяла въ свой покровъ:
»Тамъ, тамъ и гробъ, костей хранитель,
»Уже давно былъ мнѣ готовъ! —
»Но нужда, дальность разстоянья
»Опредѣляютъ свой законъ:
»Близъ Дона съ жизнью мнѣ прощанье,
»И долгъ послѣдній похоронъ!

»Но васъ, о братья, умоляю:
»Когда, какъ мягкій воскъ истаю,
»И буду хладнымъ мертвецомъ —
»Не облачайте плоти бренной
»Красой служебныхъ ризъ священной:
»Пусть лягу бѣднымъ чернецомъ!
»Ни митры свѣтлой съ омофоромъ
»Не возлагайте на меня —
»Съ простымъ монашескимъ уборомъ
»Пусть приметъ Пастыря земля!
»Такъ всѣ Святители Христовы —
»Іоакимъ и Алексѣй —
»Сложили бренныя оковы
»Въ обѣтной нищетѣ своей.
»Не нужно утварь ризъ святую
»На жертву тлѣнью предавать;
»И ею ль бренность гробовую

»На тѣлѣ грѣшныхъ украшать? —
»Могила всѣхъ людей равняетъ;
»Не всѣ ль мы — бренія сыны?
»Богъ - Судія — чиновъ не знаетъ —
»Вѣнчаетъ лишь дѣла одни!

»Васъ, Пастыри Хрістова стада,
»Молю Хрістомъ въ послѣдній разъ:
»Да вашихъ дѣлъ святыхъ лампада
»Не угасаетъ ни на часъ!
»Свѣтите міру въ тьмѣ грѣховной:
»Примѣромъ вѣры, чистоты,
»И жизни подвигомъ духовной,
»Молитвой, духомъ простоты
»Сердца пасомыхъ назидайте;
»А иновѣрцевъ тонкій ядъ
»Дабы не вкрался, — утверждайте

»Во правой Вѣрѣ Церкви чадъ.
»Вы — новые ловцы вселенной;
»Удѣлъ вашъ — море жизни сей,
»Гдѣ должно мрежею смиренной
»Ловить въ спасеніе людей.
»Безъ шума, ярости и рвенья
»И безъ насильственныхъ оковъ,
»Умѣйте истиной ученья
»Плѣнять упорныхъ въ плѣнъ Хрістовъ.
»Вы — соль земли, — и слово ваше
»Да источаетъ благодать;
»А чтобъ по смерти солнца краше
»Вамъ въ славѣ Бога возсіять —
»Сіяйте здѣсь ума смиреньемъ,
»Не лживой сердца правотой,
»И равно-ангельскимъ служеньемъ
»Предъ неприступной Чистотой!

»Не приближайтеся къ ней смѣло,
»Какъ къ древнему кивоту Занъ (*);
»Но чистотой души и тѣла
»Да дѣвствуетъ всегда вашъ санъ!
»Какъ можетъ бренный перстъ касаться
»Углю кадила безъ клещей?
»Какъ можетъ смертный обращаться
»Съ огнемъ небеснымъ, въ тьмѣ страстей? —
»Нѣтъ, убѣлись, какъ снѣгъ, струями
»Теплѣйшихъ въ покаяньи слезъ,
»И жертву возноси руками,
»Достойными Царя небесъ!

(*) Извѣстный въ Библейской Исторій Озăа, пораженный смертію за то, что простеръ руку для поддержанія Кивота Господня, въ канонѣ Андрея Критскаго названъ *Заномъ*, а именно: *Занъ оный, егда превращуся тельцу, точію прикоснуся, Божіимъ искусися гнѣвомъ*, и проч.

(*Смотри* Велик. Кан. пѣснь 7 я.)

»Велико званіе Священства!
»Великъ предъ Богомъ въ немъ отвѣтъ!
»И если нѣтъ въ насъ совершенства —
»Потускнетъ дѣлъ духовныхъ свѣтъ,
»Пребудемъ ни теплы, ни хладны,
»Бездушны въ словѣ, какъ кумвалъ,
»Умомъ кичливы, къ злату жадны,
»Алкатели мірскихъ похвалъ,
»Поклонники Ваала — чрева,
»Рабы корысти, суеты, —
»Увы! спасемся ли отъ гнѣва,
»Когда на судъ востанешь Ты,
»Святый Святыхъ, Великій Боже?
»Уже я слышу трубный гласъ! . . .
»Слезами обливаю ложе
»За васъ, о Пастыри, за васъ!

»Но да почію въ утѣшеньи,
»Съ надеждой мирныхъ Церкви дней:
»Не вѣкъ корабль сей въ треволненьи,
»Пребудетъ съ ношею своей;
»Не вѣчно дерзкая крамола
»Простретъ къ намъ адскій пламень свой;
»Не вѣчно вамъ — зміи раскола —
»Дышать кровавою враждой
»На братій, чадъ единой Вѣры!
»Богъ правды укрѣпитъ Царей
»Принять Державной власти мѣры
»На истребленье язвы сей! —
»Благословитъ свою Россію
»Святыней, славой, тищиной, —
»Такъ, съ миромъ лягу и почію
»Въ юдоли вѣка гробовой!

»О чада Вѣры! къ вамъ завѣтный
»Предъ смертью простираю гласъ;
»Заройте прахъ мой грѣшный, бѣдный
»Тамъ, гдѣ не проникалъ бы глазъ
»Людской пытливости холодной;
»Пусть ляжетъ прахъ смиренный мой
»Подъ храмомъ, въ клѣти непроходной,
»Въ пещерѣ темной и сырой;
»А вы молитвой поминальной
»Потщитесь Бога умолять,
»Чтобы съ душею безпечальной
»Я могъ отвѣтъ за Церковь дать!
»Простите старцу оскорбленья,
»Какія я другимъ нанесъ:
»Да будутъ жертвой примиренья
»Сіи потоки теплыхъ слезъ!
»Не льститесь по моей кончинѣ

»Найти сокровищъ дорогихъ:
»Служитель Бога, въ свѣтломъ чинѣ,
»Я не оставилъ горъ златыхъ,
»Ни пышной утвари стяжанья
»Въ земной дорогѣ не имѣлъ:
»На всѣ жъ избытки достоянья
»Давно наслѣдниковъ обрѣлъ —
»Отчизну, Церковь, бѣдныхъ нужды;
»Живущему въ одной семьѣ,
»Могли ль вы быть по сердцу чужды,
»О братья - Росссіяне, мнѣ?
»Я васъ любилъ, и не престану
»За гробомъ всѣхъ въ душѣ носить;
»И тамъ за васъ молиться стану,
»Гдѣ буду ближе съ Богомъ жить!«

Симъ кончилъ Старецъ завѣщанье,
Запечатлѣвъ его слезой,

И вѣрной хартіи преданье
Скрѣпилъ Святительской рукой.
Такъ пѣлъ сей лебедь нашъ духовный
Прощальну съ міромъ пѣснь свою,
Готовясь съ пажити Церковной
Взлетѣть къ небесному Царю!

Готово сердце, — все готово!
Томясь алканьемъ Бога зрѣть,
Во свѣтлости лица Хрістова —
Оно ли станетъ въ тьмѣ коснѣть?
Что̀ смерть ему? Что̀ ужасъ гроба?
На мигъ лишь темный къ свѣту путь!
Что̀ хладная земли утроба?
Пріютъ, — гдѣ сладко отдохнуть!
Что̀ жъ тамъ, тамъ въ вѣчности безбрежной?
Тамъ для души всё брачный пиръ;

Тамъ жизнь свѣтлѣе, безмятежнѣй:
Безъ слезъ, безъ вздоховъ, райскій міръ!
Какъ съ нивы стогъ пшеницы спѣлой
Богатствъ всѣхъ краше кладовой,
Тамъ Старецъ доблестями зрѣлый —
Пришлецъ для Неба дорогой!
Стремясь въ отчизну совершенства
Путемъ Креста, подъ мракомъ тучь, —
Онъ знаетъ, что къ вратамъ блаженства
Одно терпѣнье — вѣрный ключь.
Онъ ублажаетъ жизни муку,
Вдали завидѣвъ свой вѣнецъ,
И сладостно лобзаетъ руку,
Въ которой зритъ скорбямъ конецъ.
Чего, чего ему страшиться,
Омытому въ купѣли слезъ?
Онъ въ ризу правды облачится,

Какъ свѣтомъ утреннихъ небесъ!
Дерзнетъ ли съ нимъ въ странѣ подзвѣздной
Бороться адскій Амаликъ? —
Онъ, какъ орелъ паритъ надъ бездной —
Могучь, безстрашенъ и великъ!

И се — ударилъ часъ призывный —
Скончался Пастырь, вѣры Мужъ! —
Металла звукъ глухой, унывный
Смѣшался съ воплемъ грустныхъ душъ —
И хлынулъ слезъ потокъ обильный:
Весь градъ молитвенный сталъ храмъ,
Гдѣ предъ Святынею могильной
Возвѣялъ чистый ѳуміамъ
Любви, печали всенародной;
Уныли сирыя сердца,
И таютъ всѣ, какъ воскъ надгробный,

Надъ прахомъ Пастыря - Отца!
Рыдаютъ стогны, веси, грады,
Сѵнклитъ, граждане, Церковь, клиръ:
»Нашъ Ангелъ мира и отрады
»Оставилъ насъ, оставилъ міръ!
»Гдѣ сей молитвенникъ предъ Богомъ?
»Гдѣ къ горнему Сіону Вождь?
»Увы, во гробѣ мертвъ убогомъ!
»И горькій вопль, и слезный дождь
»Не возвратятъ ему дыханья,
»Не оживятъ очей мольбой, —
»И устъ не разрѣшатъ молчанья
»На Пастырскій привѣтъ святой!«

Самъ Царь Державный прослезился,
Душой глубоко возстеня:
»Увы!« сказалъ: »ударъ свершился —

»Не стало въ Царствѣ у меня,
»Не стало Старца столь святаго!
»Подпора рыхнула одна:
»Увы! предстателя такаго
»Найдетъ ли Руская страна? —
»Его могучею молитвой
»Птенцы Петровы — корабли
»Вѣнчалися Азовской битвой,
»И въ силѣ съ славой возрасли; —
»И мнѣ-ль забыть Отца и друга,
»Кѣмъ Богъ благословилъ мой Тронъ?
»Отшедшему съ земнаго круга
»Я самъ воздамъ честь похоронъ!«

Изрекъ, — и вихремъ колесница
Царя въ Воронежъ принесла.
Въ первые-ль съ Трона багряница

Уныло вьются близъ гнѣзда,
И съ нимъ простясь, безмолвнымъ стадомъ
Несутся въ теплыя мѣста! —
Прощайтесь, дѣти, съ сердобольнымъ
Отцемъ, передъ взорами Царя;
Челомъ во прахъ передъ достойнымъ
Сердецъ сыновнихъ алтаря!

И се, о зрѣлище святое!
Подвигся погребальный ходъ:
Въ жилище тихое, земное
Жилецъ небесъ почить идетъ.
Кипитъ народъ толпой плачевной,
Святыя вѣютъ знамена;
Но кто подъ ношею священной
Склонилъ державны рамена?
Не древній ли Іосифъ раку

Съ костьми Израиля несетъ ?
Нѣтъ, усыпальницы ко мраку,
Какъ солнце въ сонмѣ звѣздъ, планетъ,
Грядетъ самъ Петръ, гробоносящій.
О трогающій сердце видъ! —
Монархъ, Россію всю держащій,
Подъ гробомъ Старца — нашъ Товитъ! —
О благосердый Царь Россіи!
Что ощущалъ въ душѣ своей,
Когда на вѣнценосной выи
Ты несъ Святыню нашихъ дней? —
Не грѣшника, не дань могилы
Закрылъ ты перстью, — но кивотъ
Присноживущей Бога силы,
Какъ древа жизни райскій плодъ! —
Благодаримъ тебя, Великій!
Ты положилъ здѣсь гробъ чудесъ,

Гдѣ благодать Священны лики
Поютъ въ потокахъ сладкихъ слезъ ! . . .
О, кто теперь восторгъ опишетъ
Твоей души на небесахъ —
Тамъ, гдѣ Мужъ правды зритъ и слышитъ
Тебя, въ святыхъ своихъ лучахъ ?
Творецъ, Родитель Русской славы, —
Съ нимъ, въ братствѣ доблестныхъ Царей,
Ты не побѣдный громъ Полтавы, —
Но славишъ Господа душей !
Сколь сердцу Россіянъ священны
Драгія Ваши имена !
Не мраморъ ихъ хранитъ безцѣнный,
И не въ мѣди оживлена
Ихъ память буквами златыми,
Но на скрижали всѣхъ сердецъ
Дѣлами дышете живыми, —

Любовь вѣковъ — для васъ вѣнецъ.
Потомство — се ковчегъ, — хранитель
Безсмертной славы вашихъ дѣлъ:
Ей недоступенъ рокъ-губитель,
И чуждъ забвенія удѣлъ! —

Такъ, въ вѣчной памяти потомства
Почившій Пастырь будетъ жить!
Одни лишь чада вѣроломства —
Враги Креста, не медлятъ гнить;
Мгновенно слава обветшаетъ
Земныхъ Князей, полубоговъ;
Но Праведникъ и въ тьмѣ сіяетъ
Подъ бренной утварью гробовъ.
Надъ нимъ не здѣшній воздухъ вѣетъ —
Его не тронетъ червь земной;

И разрушеніе не смѣетъ
Дохнуть надъ плотію Святой!

Почій, о Ангелъ Церкви, міра,
Подъ тихой сѣнью алтаря!
Се зрю, — благовѣствуй, о лира —
Восходитъ въ міръ чудесъ заря! . . . .

ПѢСНЬ 5я.

ПРОСЛАВЛЕНІЕ.

Кости ихъ процвѣтутъ отъ мѣста ихъ.

(Сир. 46. ст. 13.)

Стопою медленной, свинцовой
Столѣтье по землѣ прошло;
Твореніе руки Петровой,
Россія — вознесла чело,

Окрѣпла въ силахъ — лишь взглянула —
Тамъ Скандинавскій смолкнулъ Левъ,
Здѣсь гордые рога Стамбула
Сломилъ Екатерины гнѣвъ.
Затихли жерла боевыя:
Миръ осѣнилъ Державъ союзъ, —
И тягостный судьбы Святыя
Надъ Россомъ кончился искусъ! . . .

Гдѣ ты, о время дорогое!
Повѣй, чтобъ хладъ нашъ разогрѣть;
Дай старины лице святое
Въ красѣ вѣнчальной посмотрѣть!
Чуть видны намъ однѣ примѣты
Счастливыхъ, невозвратныхъ дней —
Высокія дѣла, совѣты
Великихъ доблестью мужей!

Какъ прежде Церковь процвѣтала;
Какъ сѣмя Божіе росло;
Какія мудрыя забрала
Въ пути удерживали зло;
Какъ Патріаршей простотою
Сіяли люди безъ наукъ;
Какъ всѣ, въ довольствѣ, съ чистотою,
Не знали прихотей и мукъ! . . .

Увы, въ нашъ вѣкъ не то ужь стало:
Иноплеменныхъ вѣтръ умовъ
Дохнулъ на насъ, — и въ прахъ упало
Почтенье къ нравамъ праотцовъ.
Въ поддѣльномъ блескѣ просвѣщенья
Лишь отуманились умы —
И, жертвы злаго обольщенья,
При свѣтѣ — бродятъ въ дебряхъ тьмы . . .

Какъ опьянѣлъ ихъ духъ кичливый!
Какой въ душахъ страстей разбой!
Все высмотрѣлъ ихъ взоръ пытливый —
Лишь путь къ добру забытъ прямой!
Мечтая міръ весь перестроить,
И новый людямъ образъ дать,
Себѣ бразды и власть усвоить,
И тайны Вѣры разгадать;
Презрѣвъ душевные недуги,
И золъ Врача, — забывъ Хріста, —
Они въ надзвѣздны рвутся круги,
Чтобъ только не нести Креста . . . .
Любовь и Вѣра охладѣла,
И чуждъ имъ сталъ небесъ глаголъ;
Умами гордость овладѣла —
И тонутъ всѣ — въ пучинѣ золъ! . . .

Открылся Божій гнѣвъ къ заблуждшимъ,
И кара грянула съ небесъ! —
Я къ страшнымъ бѣдствіямъ минувшимъ
Взоръ обращаю полный слезъ . . . .
Европа вся съ Наполеономъ
Въ Россію хлынула войной, —
И дрогнула земля подъ Трономъ,
Гнетомая судьбы рукой! —
Отчизна трепетомъ объята,
Пылаетъ въ заревахъ Москва,
И мнилось, въ рабство безъ возврата
Ея склонилась ужъ глава;
Но Вышній Царствами владѣетъ! —
Мечь Александра лишь сверкнулъ —
И гладный врагъ бѣжитъ, мертвѣетъ,
Въ снѣгахъ бросая ратный тулъ . . . .
Ужъ лютыхъ супостатъ Столица,

Лютеція — у ногъ Царя —
И пала гордая денница,
Какъ искра, въ дальнія моря!
Такъ въ гнѣвѣ милостью великій,
Россію возвеличилъ Богъ;
Познали племена, языки
Того, Кѣмъ стертъ гордыни рогъ! . . .
Европа въ мирѣ опочила,
Россія ожила отъ ранъ;
Но, ахъ, еще судьба излила
Фіалъ на Тронъ и на гражданъ!
Нашъ Александръ Благословенный
Взятъ смертію въ надзвѣздный рай;
И лишь восшелъ на тронъ священный —
Отрада Россовъ — НИКОЛАЙ,
Вдругъ адъ къ Престолу устремился
Съ крамольной изверговъ толпой;

Раскаяньемъ тогда крестился
Петрополь смутный надъ Невой, —
Но не скончалось испытанье
Для сердца новаго ЦАРЯ —
Едва узрѣли блескъ вѣнчанья
Въ стѣнахъ священнаго Кремля —
Какъ подъ твердыней Арарата
Вскипѣлъ войной коварный Персъ,
И хищной дерзостью булата
Къ Тифлису путь себѣ отверзъ;
Туда шлетъ ЦАРЬ полки орлины,
Тамъ ждетъ ихъ тяжкая судьба:
Болѣзни, гладъ, и горъ стремнины,
Съ природой дикою борьба; —
Здѣсь трудно Рускихъ грудь дышала
Подъ зноемъ Закавказскихъ странъ;
Но брань кипя не умолкала —

И палъ наказанный Иранъ! —
Пора-бъ измученнымъ Героямъ
На лаврахъ славы отдохнуть; —
Но нѣтъ — на мигъ почившимъ воямъ
Къ трудамъ открылся новый путь:
Возсталъ Стамбулъ главой строптивой,
Восколыхался весь Босфоръ —
И здѣсь Балкана верхъ спѣсивый
Не скоро свой потупилъ взоръ;
Твердыни крѣпкія громились
Съ немалою потерей силъ;
Полки могилами ложились,
Когда бичь язвы ихъ разилъ.
Но Россъ судьбѣ, ЦАРЮ покорный,
Побѣду кровью искупилъ,
И, въ самой брани миротворный —
Врага оливой подарилъ! —

Не долго праздновалъ побѣду,
Покрытый свѣжимъ лавромъ Россъ;
По красному тріумфовъ слѣду,
Увы! (какъ вспомнить то безъ слёзъ?)
Болѣзнь — бичь Индіи далекой,
Проникла быстро въ нашъ предѣлъ,
И въ ярости ея жестокой,
Всякъ домъ, и весь, и градъ пустѣлъ!
Россія вся больницей стала:
Въ ней гибли жертвъ несмѣтны тьмы —
Вся мудрость силы потеряла,
Молчалъ и опытъ, и умы! . . .
Лишь Вѣра съ трепетомъ молилась
Подъ симъ губительнымъ серпомъ,
И скоро туча прояснилась
Надъ блѣднымъ Россіянъ челомъ!

О сколько Ты во гнѣвѣ силенъ,
Великій въ правдѣ, Богъ Боговъ!
И сколько въ благости обиленъ,
Непостижимый Царь вѣковъ!
Не такъ чадъ плачущихъ на лонѣ
Умѣетъ матерь утѣшать,
Какъ Ты, сѣдяй на звѣздномъ тронѣ,
Послалъ намъ скоро благодать!
Челомъ, Россія, въ умиленьи
Къ престолу Вѣчнаго Отца! . . .
Предъ нимъ въ любви, благоговѣньи
Растайте хладныя сердца! . . .

Что зримъ мы, нашихъ дней къ отрадѣ,
Подъ скиптромъ мудраго ЦАРЯ?
Въ Воронежѣ, щастливомъ градѣ,
Горитъ чудесъ святыхъ заря! —

Сто лѣтъ почіющій во гробѣ
Святителя безцѣнный прахъ
Нетлѣннымъ, тлѣнія въ утробѣ,
Открылся въ явныхъ чудесахъ: —
Рѣкою полились цѣленья
Недуговъ всякихъ и скорбей;
Здѣсь перстъ святаго Провидѣнья! . .
О, смертный, зри, — благоговѣй! —
Не близко ль зришь ты руку Бога
Въ семъ новомъ знаменьи чудесъ?
Не прямо ль къ Господу дорога
Открыта благостью небесъ? —
Растлѣнный вѣкъ! ты мало вѣришь
Мощей нетлѣнію святыхъ;
Своей лишь скудной мѣрой мѣришь
Даръ благодати зримой въ нихъ;
Все мнишь ты покорить извѣстнымъ

Законамъ естества, ума;
Но что земной умъ предъ небеснымъ?
Безъ Вѣры — буйство лишь и тьма! —

Смотри, — здѣсь тѣни нѣтъ сомнѣнья,
Какъ Праведныхъ хранитъ Господь,
Какъ въ самыхъ нѣдрахъ разрушенья
Не видитъ тлѣнія ихъ плоть!
Ихъ кости и въ гробахъ тучнѣютъ,
Цвѣтутъ, какъ пальма при водахъ,
И въ смерти къ воскресенью спѣютъ,
Какъ сѣмя, скрытое въ броздахъ.
И мы всѣ были бы нетлѣнны,
Когда бы грѣхъ насъ не разстлилъ;
Но, ахъ, симъ ядомъ зараженны,
Мы — жертвы жалкія могилъ! —
Что́, мы? . . Рабы грѣхолюбивы, —

И въ жизни тлѣніемъ смердимъ:
Еще внѣ гроба — гробъ червивый
Во плоти носимъ — и скорбимъ! . . .
А Праведникъ, — другъ вѣрный Богу,
Не видитъ тлѣнья, какъ Енохъ,
И въ темный гробъ заноситъ ногу,
Какъ въ брачный, радостный чертогъ! —
Носимый духа колесницей
Превыше міра и суетъ —
Онъ и во плоти надъ гробницей
Побѣдну пѣснь Хрісту поетъ:
»Что, смерть, твое мнѣ злое жало?
»Что мнѣ твоя держава, адъ?
»Твое владычество престало —
»И къ жизни вѣчной нѣтъ преградъ!
»Я радуюсь, когда плотскія
»Вериги сбросятся съ меня;

»Пусть нѣдра хладныя земныя
»Хранятъ ихъ, какъ залогъ, до дня —
»Когда Духъ Божій ихъ коснется,
»И прахъ во гробѣ оживитъ,
»Въ нетлѣнье тлѣнье облечется —
»И тѣло приметъ новый видъ!
»Такъ мнѣ ль, скитальцу дольней жизни,
»Беречь могильный свой хитонъ?
»Тамъ — въ свѣтѣ Ангельской отчизны
»Безсмертный сотканъ мнѣ вуссонъ! —
»Пусть плоть строптива изнеможетъ
»Въ строжайшихъ подвигахъ поста:
»Мнѣ Благодать сама поможетъ
»Сносить всѣ тягости Креста!
»Пусть страждетъ язвъ, скорбей въ горнилѣ —
»Въ немъ долженъ грѣхъ перегорѣть;

»Отдавъ все ветхое могилѣ,
»Мнѣ легче въ новый міръ летѣть!«

Не намъ, питомцы нѣги вялой,
Труды Святыхъ мужей цѣнить;
Не намъ, съ душею одичалой,
Ихъ красный путь умомъ слѣдить!
Удѣлъ нашъ — вѣры умиленье,
Сознанье немощей своихъ,
Къ Творцу Святыхъ — благоговѣнье,
Прибѣжище — къ молитвамъ ихъ!
Ихъ мощи — мощная ограда
Хранимыхъ ими странъ, градовъ;
Чрезъ нихъ миръ Божій и отрада
Къ намъ льются съ выспреннихъ круговъ!
Какъ свѣтелъ славой Римъ престольный,
Гдѣ Павелъ вѣры путь скончалъ,

Гдѣ Петръ, ключей рая достойный,
Крестомъ свой подвигъ увѣнчалъ!
Сколь ты щастлива, Византія,
Гдѣ словомъ Златоустъ гремѣлъ,
Гдѣ наши Пастыри Святые
Имѣли выспренній удѣлъ —
Свѣтить вселенной отъ Никеи,
Гдѣ подъ рукою ихъ шипѣть
На Церковь не дерзали змѣи;
Гдѣ вѣрнымъ такъ отрадно зрѣть
Ихъ благодатныя гробницы! . . .
Могу ли орли крылья взять,
Чтобъ тамъ Святыя ихъ частицы
Съ слезой любви облобызать?
Се ихъ дражайшія ланиты,
Гдѣ красота души цвѣла! —
Се очи вѣчнымъ сномъ покрыты,

Для коихъ мертвою была
Вся прелесть съ суетой мірская!
Се медоточныя уста,
Откуда благодать живая
Дождила въ дикія мѣста!
Се Богоносные ихъ персты,
Садъ насадившіе Хрістовъ!
Се перси, — чистый храмъ, отверстый,
Гдѣ къ Богу теплилась любовь!
Се ихъ Апостольскія ноги,
Протекшія тернистый путь!
Ихъ гробы — красные чертоги,
Куда не могутъ досягнуть
Ни міръ съ тревожной суетою,
Ни грѣхъ съ отравою страстей,
Ни время съ дерзкою косою,
Ни душъ губитель, — древній змѣй!

Они восполнили лишенье
Скорбей Хрістовыхъ въ ихъ тѣлахъ, —
И мы начатки воскресенья
Предпразднуемъ на ихъ гробахъ! . . .
Здѣсь благодать съ природой рядомъ
Идутъ насъ въ вѣрѣ утвердить: —
Здѣсь то простымъ объемлемъ взглядомъ,
Чего нѣтъ силъ осуществить;
О чемъ преданье лишь вѣщаетъ
Своимъ нетвердымъ языкомъ,
То прямо въ чувства ударяетъ
Живымъ, Божественнымъ перстомъ.
Здѣсь тѣхъ лицемъ къ лицу встрѣчаемъ,
Кого всѣ чтили лишь съ молвой,
И на останкахъ ихъ читаемъ
Уроки жизни неземной.
Такъ, если прадѣдовъ могилы

Безъ слезъ не могутъ внуки зрѣть,
И если образъ сердцу милый
Имъ сладко предъ собой имѣть —
Мы ль будемъ хладными очами
Кивотъ святыни созерцать?
Нѣтъ — здѣсь раскаянья слезами
Себя намъ должно омывать!
Здѣсь, скверное страстей жилище —
Свои бить перси съ Мытаремъ,
Здѣсь на Святомъ мощей кладбищѣ
Живымъ любви быть алтаремъ!
Здѣсь вспомнимъ подвиги Блаженныхъ,
Чтобъ нашу лѣность обличить —
Почтимъ плоды ихъ дѣлъ священныхъ,
Чтобъ умъ свой къ небу воскрилить!
Облобызаемъ ихъ вериги,
Ометы власяницъ честныхъ;

Они ихъ памятныя книги —
Въ нихъ зеркало добротъ святыхъ!
Останки бреннаго сосуда,
Гдѣ духъ безсмертный обиталъ,
Для насъ возникли изъ-подъ спуда,
Чтобъ каждый мысль свою питалъ
Надеждой свѣтлой воскресенья:
Дружился-бъ у Святыхъ могилъ
Съ великой тайной разрушенья,
И смерть, какъ гостя, сторожилъ.
Страшна ли смерть, когда святыми
Очами ей въ лице глядимъ?
Страшна ль, коль со страстьми плоть злыми
Крестомъ, до гроба, умертвимъ?
Здѣсь мужи вѣры — не щадили
Трудами тѣло изнурять;
За то и самый мракъ могилы

Не смѣетъ долго ихъ скрывать,
Какъ бисеръ Церкви драгоцѣнный;
За то и славы имъ вѣнецъ,
И поклоненіе вселенной,
И жертвы чтущихъ ихъ сердецъ!

Такъ!—могъ ли тотъ лежать подъ спудомъ,
Кто, въ вѣкъ Великаго Петра,
Былъ совершенствъ духовныхъ чудомъ,
Рѣкою полною добра?
Какъ, въ древности, кивотъ Святыни
Когда внесенъ былъ въ Іорданъ, —
Изсякло влажной дно пучины,
Вспять воды потекли — и данъ
Былъ легкій переходъ Евреямъ:
Такъ въ хладной и сырой землѣ —
Гдѣ мы, рабы грѣха, изтлѣемъ

Съ клеймомъ пороковъ на челѣ,
Святителя Честное тѣло
Тлю смерти отразило вспять, —
И время цѣлый вѣкъ не смѣло
Доски гробовой подглодать!
Сюда свой дикій взоръ склоните,
Сыны раскола, древней тьмы!
Здѣсь съ умиленьемъ ницъ падите,
О жертвы нравственной чумы!
Сколь дивенъ Вышній въ Преподобныхъ,
Сколь славенъ во Святыхъ, великъ —
То въ ихъ Мощахъ Богоугодныхъ
Да прочитаетъ всякъ языкъ! —
Смотрите, какъ цѣлебна сила
Отъ раки точится святой:
Кого съ одра не воскресила
Она Святителя рукой?

Здѣсь изувѣченный, безногой
Прибрелъ на костыляхъ, какъ тѣнь,
Палъ предъ святыней, — и дорогой,
Веселый, скачетъ какъ елень.
Здѣсь одержимый изступленьемъ,
Поверженъ связанный предъ ней, —
Однимъ къ мощамъ прикосновеньемъ
Спасенъ отъ демонскихъ когтей.
Здѣсь бѣдный, свѣта не имѣя
Въ оструплеллныхъ корой очахъ,
Однимъ помазаньемъ елея
Прозрѣлъ, съ хвалою во устахъ!
Здѣсь безглагольному, глухому
Ниспосланъ слова даръ и слухъ;
Терпѣвшему скорбей истому, —
Невѣдомъ болѣ злый недугъ!

О Препрославленный! о новый
Къ творцу молитвенникъ за всѣхъ!
Заступникъ всѣмъ въ бѣдахъ готовый,
Источникъ всякихъ благъ, утѣхъ!
Въ тебѣ Россъ Бога прославляетъ
Въ восторгѣ пламенныхъ сердецъ;
Его десницу лобызаетъ,
Бѣдамъ пославшую конецъ!
Но дай твой образъ, Небожитель!
Намъ вѣрой чтить и лобызать;
Гдѣ сей святыни представитель,
Чтобъ въ немъ яснѣй намъ созерцать
Доброты Ангела земнаго,
Отблескъ той райской красоты,
Въ которой въ лонѣ Трисвятаго,
Какъ чистый духъ сіяешь Ты?

Гдѣ онъ, сей ликъ рукотворенный —
На память Руской всей странѣ?
Почто художникъ кистью вѣрной
Его не предалъ въ полотнѣ?
Обыкла Церковь украшаться
Честною утварью Иконъ, —
И домы ими осѣняться,
Какъ силой Божіихъ знамёнъ.
При нихъ мы умъ свой воскриляемъ
Небесъ въ таинственный предѣлъ,
Живѣй въ душѣ впечатлѣваемъ
Того, кто въ свѣтлый рай прешелъ.
Дай, дай, Другъ Божій, благодатный!
Священный ликъ твой намъ имѣть,
Дай сей сосудъ Богопріятный
Любовью чтить, съ отрадой зрѣть! —

И внялъ Святый сердецъ моленью:
Былъ списокъ ветхій сохраненъ;
Но, къ славѣ образа, видѣнью
Быть свыше часъ опредѣленъ.
»Тебѣ Святитель самъ явится (*)«
Былъ гласъ художнику святой:
»Небесный ликъ изобразится,
»Въ даръ Церкви, кистію земной!«
И се — въ тотъ день, когда Спаситель
Далъ осязать себя Ѳомѣ,
Явился старецъ Небожитель
Художнику, какъ день во тьмѣ.
Онъ самъ свое изображенье,
Какъ Херувимской кисти плодъ,

(*) Смотри сказаніе о обрѣтеніи мощей Св. Митрофана, напечатанное по опредѣленію Святѣйшаго Сѵнода въ С.-Петерб. 1832 года, стр. 16, 17

Ему представилъ на воззрѣнье; —
Сновидѣцъ всѣ черты кладётъ
Подъ кисть на холстъ воображенный;
Душа видѣніемъ полна,
И ликъ, въ ней ясно отраженный,
Отъ чуднаго воставшимъ сна,
Какъ самый подлинникъ небесный,
Былъ вѣрно списанъ на убрусъ! —

Даръ драгоцѣнный! ликъ любезный!
Къ тебѣ душою всей стремлюсь,
Тебя на персяхъ, предъ очами
Какъ благодать люблю носить, —
И вѣры теплой со слезами
Теку заступника молить
За Церковь, за ЦАРЯ, за братій
Несущихъ тяготу Креста:

»О мужъ, достойный воспріятій
»Въ небесномъ Царствіи Хріста!
»Благослови ЦАРЯ, Россію
»Богатствомъ благъ съ высотъ святыхъ,
»Сломи враговъ коварныхъ выю
»Молитвъ оружіемъ твоихъ!«

Но се, самъ Россовъ ЦАРЬ Державный
Съ сынами ницъ къ Тебѣ съ мольбой:
»Покрой народъ МОЙ православный,
»Святитель, отчею рукой!
»Онъ весь въ МОЕЙ душѣ; имъ дышетъ
»Вся грудь ЦАРЯ, его Отца! —
»Въ ней всѣ любви отзывы слышитъ
»Самъ Царь Царей, держай сердца!
»Да процвѣтетъ въ МОЕЙ державѣ
»Миръ, Правда, Вѣра и Законъ,

»И, Бога Вышняго ко славѣ,
»Да не позыблется МОЙ Тронъ!
»Да благоденствуетъ МОЙ добрый
»Народъ въ довольствѣ, тишинѣ,
»И лавръ побѣдъ, во брани бодрый,
»Да пожнетъ съ славой на войнѣ!
»Да разумѣютъ всѣ языки, —
»Сколь слабъ враговъ крамольныхъ рогъ
»Тамъ, — гдѣ держалъ скиптръ Петръ Великій,
»Гдѣ съ НИКОЛАЕМЪ правитъ Богъ!
»Твоей молитвою земною
»Въ Царяхъ Великій былъ щастливъ:
»Громя враговъ одной рукою,
»Другой Россію утвердивъ,
»Тебѣ, признательный, успѣхи
»Въ дѣлахъ восписывалъ своихъ:
»И Я побѣдные доспѣхи

»Свящу, Отецъ, у ногъ твоихъ!
»Твоимъ во дни МОИ явленьемъ
»Закрылась бездна многихъ золъ:
»Твоимъ вручаю впредь моленьямъ
»Россію, Домъ МОЙ и Престолъ!«

И сердца святъ обѣтъ ЦАРЕВА!
Въ немъ щастья общаго оплотъ:
Тамъ милость Бога, вмѣсто гнѣва —
Гдѣ молитъ ЦАРЬ за СВОЙ народъ! —
Молись и ты, народъ щастливый,
Съ денницы ранней за ЦАРЯ,
И день, и нощь, благочестивый,
Теки къ подножью алтаря, —
Творецъ всемірнаго семейства
Благословитъ ЦАРЯ въ Сынахъ,

Но карой грянетъ на злодѣйства,
И сдунетъ злыхъ съ земли, какъ прахъ!

Къ Тебѣ, Святитель, всѣхъ моленье,
И умиленной лиры гласъ:
Прими жертвъ нашихъ приношенье,
И помяни въ молитвахъ насъ!

Конецъ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано :				*Должно читать :*
На обертке :			Стихотворенія.	Стихотвореніе.
— стр.	6	ст.	1 пестуномъ	пѣстуномъ.
— стр.	15	ст.	9 Творя, добро,	Творя добро,
— стр.	37	ст.	3 разстерзать	растерзать.
— стр.	72	ст.	13 Исторій Озӑ	Исторіи Оза.
— стр.	81	ст.	3 рыхнула	рухнула.
— стр.	84	ст.	5 передъ взорами	предъ взорами.

2/R

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
00025244977